

МОИ АРМРЕСТЛЕР

Стальной захват



Милана Седина

Юнона Стангард

Юнона Стангард

Мой армрестлер. Стальной захват

«Автор»

«Автор»

2026

Стангард Ю.

Мой армрестлер. Стальной захват / Ю. Стангард — «Автор»,
«Автор», 2026

Бандиты решили, что мой спортбар можно забрать вместе с моей жизнью. Они не учли одного: за соседним столиком сидел Богдан Ковалев — «Молот», опальный чемпион по армрестлингу и тренер заводских мальчишек. Он остановил удар, предназначенный мне. Я перевязала его разбитую руку. И поняла: рядом с этим упрямым богатырем опасно не только врагам, но и моему сердцу. Я, Снежана Романова, не собираюсь бежать из родного города. Мы устроим открытый турнир и вытащим нашу войну с местным криминальным хозяином под свет софитов. Богдану предстоит схватка с бойцом, который калечит соперников. Мне — отстоять бар и его спортивный зал. Но как защитить мужчину, который готов заслонить меня собой от всего мира?

© Стангард Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Милана Седина, Юнона Стангард

Мой армрестлер. Стальной захват

Мой армрестлер. Стальной захват

Милана Седина и Юнона Стангард

Глава 1

Пятничный вечер в Сталегорске пахнет одинаково: сернистым доменным дымом, морозной хвоей с увалов и тяжелым духом ячменного сусла. За витринами моего спортбара «Овертайм» мерцала черная гладь заводского пруда, отражая багровые сполохи плавильных цехов. В зале стоял привычный рабочий гул — полчаса назад во Дворце спорта «Металлург» напротив завершился матч, и полсотни металлургов в куртках с шевронами прокатного цеха шумно праздновали победу, смывая окалину свежим темным элем.

Я стояла у кассы, сверяя вечерние чеки. На мне был плотный шерстяной жилет, на пальцах еще оставался запах сосновой канифоли — утром я сама шлифовала дубовые подставки. Этот бар достался мне ценой трех лет борьбы, кредитов и бессонных ночей. Это была моя крепость среди уральского чугуна и снега.

Колокольчик над дверью не звякнул — его вырвало с мясом.

Дубовая дверь с грохотом распахнулась, и в нагретый зал ворвался ледяной вихрь при минус восемнадцати. Вместе с метелью ввалились четверо. Впереди тяжело переваливался Хрящ — двухметровый подручный криминального авторитета Зубова, державший в страхе весь при заводской поселок. На расстегнутой дубленке темнели пятна машинного масла, а в правой руке, обтянутой кожей без пальцев, поблескивала граненая алюминиевая бита. Следом двигались трое боевиков в серых пуховиках с надвинутыми на брови шапками.

— Гуляем, работяги! — хрипло гаркнул Хрящ, перекрывая музыку.

Он сделал два шага к столу сталеваров и со всего размаха опустил биту на сервировку.

Звон разорванного вдребезги стекла ударил по ушам. Кружки брызнули пеной, тарелка с колбасками разлетелась в крошево, пиво залило штаны опешивших заводчан. Музыка оборвалась — бармен инстинктивно вырубил звук. В зале повисла звенящая тишина.

— Все на выход, если калеками остаться не охота, — осклабился Хрящ, сплевывая на пол. — Бар закрыт на спецобслуживание. Хозяйка забыла заплатить за тишину.

Сердце толкнулось в ребра, но вместо паники поднялась холодная, расчетливая ярость. Рука под прилавком мягко опустилась к скрытой тревожной кнопке охраны комбината. Металлическая пластина щелкнула. Оглянувшись на побелевшую старшую барменшу Алену, я шагнула вперед, заслоняя подругу собой.

— Опустите железо, Хрящ, — мой голос прозвучал сухо и отчетливо. — В этом баре отдыхают металлурги после смены. Кнопка нажата. Заводской наряд будет здесь через три минуты. Пошел вон, пока тебя не упаковали.

Хрящ обнажил гнилой ряд зубов:

— Какая бойкая. Думаешь, Савельев со своими вахтерами тебя спасет? Да Зуб комбинат на пальце вертел.

Он кивнул щуплому парню слева. Тот выдернул нож-бабочку. Лезвие со щелчком описало восьмерку, и бандит метнулся ко мне, выбрасывая руку, чтобы схватить меня за воротник жилета.

Я не стала ждать захвата. На стойке стояла массивная латунная пепельница весом под полтора килограмма. Перехватив холодный ребристый металл, я коротким хлестким движением снизу вверх впечатала его грань в запястье нападающего.

Сухой хруст кости разнесся по залу. Бандит взвыл, нож со звоном полетел на кафель, а сам он согнулся, прижимая перебитую кисть.

— Ах ты дрянь! — взревел Хрящ.

Он вскинул алюминиевую биту обеими руками, целясь мне прямо в висок. Секунда растянулась: я видела летящий металл и понимала, что отскочить не успеваю — сзади была глухая панель стойки.

Но удара не последовало.

Воздух позади меня словно сжался. Из глубокого полумрака углового столика у окна — где весь вечер молча сидел одинокий крупный гость в темной толстовке за кружкой кипятка, — метнулась тень. Колоссальная фигура выросла между мной и Хрящом с молниеносной стремительностью бросившегося медведя. Огромная ладонь, шире чугунной сковороды, перехватила битую Хряща прямо на замахе, в пяти сантиметрах от моего лба.

Звук был такой, словно лом ударил в гранитный утес. Хрящ дернулся, пытаясь продавить удар, но бита замерла намертво. Пальцы незнакомца сжались. Толстостенный алюминий затрещал, с глухим хрустом сминаясь в лепешку под давлением живых человеческих связок.

Передо мной стоял Богдан Ковалев. «Молот». Легенда уральского спорта, чемпион по армрестлингу, вычеркнутый из списков после заказного скандала и ушедший тренировать пацанов в заводской цоколь. Спина шириной в дверной проем, плечи как литые валуны, предплечье толщиной с бедро взрослого мужчины.

— В моем городе женщин не трогают, гнида, — произнес Богдан. В его низком голосе вибрировал такой металл, что бокалы на полке отозвались дрожью.

Одним плавным движением кисти он вывернул битую из пальцев главаря, скрутил ее в узел и швырнул под ноги бандитам.

Двое оставшихся боевиков, схватив тяжелые стулья, ринулись на Ковалева с флангов. Богдан даже не шелохнулся. Короткий шаг вперед — и два поршневых удара открытыми ладонями в основание грудины. Звук удара напомнил падение многотонного пресса. Обоих сорвало с пола: пролетев пять метров, они смели столы, проломили перегородку и рухнули у дальней стены.

Хрящ отшатнулся к выходу, выхватывая из-под полы травматический пистолет «Оса»:

— Назад, сука! Завалю!

Я схватила со стойки углекислотный огнетушитель, но Богдану не требовалось оружие. Он шагнул прямо на ствол. Ребром левой ладони сбил прицел вверх — грянул выстрел, пуля выбила штукатурку из потолка. В следующее мгновение правая ладонь Ковалева сомкнулась на горле Хряща, а левая вцепилась в его кожаный ремень.

Сотдвадцатикилограммовое тело главаря оторвалось от пола. Богдан поднял его над головой, шагнул к витрине и с выдохом швырнул вперед.

Огромное двойное стекло лопнуло с грохотом. Миллионы каленых осколков брызнули на тротуар. Хрящ проломил раму и покатился по обледенелому граниту прямо в сугроб у набережной. В разгромленный зал хлынул обжигающий мороз, закручивая снежные вихри над битым хрусталем. Оставшиеся боевики, подвывая, бросились в пролом, волоча оглушенных подельников к машине.

Я стояла среди осколков, глядя на тяжелое дыхание Богдана. От его плеч сквозь разорванный ворот поднимался белый пар.

Из сугроба донесся кашель Хряща. Бандит сплюнул кровь вместе с выбитыми зубами:

— Зуб узнает, Ковалев! Он вызовет Волкова! «Дробитель» переломает твои кости прямо на помосте! Связки с мясом вырвет! А бар этой суки мы сожжем дотла!

Богдан подошел к краю пролома:

— Передай Зубову: пусть сам приходит. А Волкова твоего я заставлю жрать магнезию прямо на сукне. Пошел вон из моего района.

Джип взвизгнул шипами и скрылся в темноте. Трое сталеваров дернулись к выходу:

— Богдан, давай догоним уродов!

— Мужики, стоп! — я вышла вперед, подняв руку. — Богдан защитил нас чисто. Не давайте Зубову повода завести уголовку через карманных ментов. Допивайте пиво за счет заведения и по домам. Нам нужно закрыть контур и спасти документы.

Заводчане понимающе загудели, крепко пожали руку Богдану и покинули бар. На тротуаре затормозил заводской наряд — позже обещанных трех минут, но все-таки приехал. Я показала охранникам запись с барной камеры, попросила вызвать полицию и оставить двоих у входа. Только после этого мы остались среди свистящего на ветру стекла.

* * *

Морозный сквозняк уже пробирал до костей. Температура в зале стремительно падала к нулю.

— Алена! — позвала я, перешагивая через обломки стула.

В служебном шкафу за стойкой, за ящиками с напитками, на корточках сидела Алена. Она обхватила колени и судорожно дрожала, уткнувшись лицом в фартук.

— Аленка, все кончилось, — я опустилась рядом на колени, крепко сжав ее ледяные пальцы.

— Снежка... — прошептала она в слезах. — Зубов весь город держит. Они сожгут нас... Завтра приедут с канистрами! Надо бежать в Екатеринбург...

— Посмотри на меня, — я взяла ее за подбородок, заглядывая в расширенные зрачки. — Никуда мы не побежим. Этот бар — наша жизнь. За нас встал Богдан Ковалев. Пока Молот здесь — ни одна тварь не посмеет подойти. Дыши. Помоги мне вскрыть сейф. Там выручка за три дня и наш договор аренды.

Алена вытерла щеку фартуком и кивнула. Я помогла ей подняться; прежде чем лезть к сейфу, она сохранила копию записи с барной камеры:

— Договор... Копия у юриста есть, но оригинал с подписью Савельева надо сохранить. Не дадим Зубову объявить его подделкой.

Мы бросились к кассовой нише под стойкой. Но лицевая панель несгораемого ящика была вмята: во время драки в нее врезался тяжелый стул. Я вставила ключ в паз — латунь застряла на четверти оборота.

— Заклинило кулачковый механизм, — выдохнула я, закусив губу. — Надавить сильнее — сломается ключ.

— Отойди, Снежана.

Богдан подошел неслышно и опустился на колено рядом со мной. От него пахло морозной шерстью, раскаленным металлом и горячим потом.

— Там листовая сталь, Богдан, три миллиметра...

Ковалев ничего не ответил. Нашупав взглядом узкую щель в месте перегиба, он завел туда кончики пальцев правой руки. Костяшки были содраны до мяса, из трещин сочилась кровь, но лицо оставалось гранитным.

Он зафиксировал хват. Я услышала глубокий вдох. Мышцы спины натянулись под тканью толстовки, дельты вздулись чугунными шарами. Сталь застонала. Сварочные швы лопнули с сухим треском пистолетных хлопков. Дверца сейфа выгнулась дугой, заклинивший штырь срезало, и ящик с лязгом распахнулся.

Я замерла. Этот нечеловеческий сухожильный хват вызывал благоговейный трепет.

— Богдан... пальцы... — прошептала я.

— Железо мягче костей, если уметь тянуть, — коротко бросил он, стряхивая окалину.

Внутри лежал холщовый мешок с деньгами и пластиковая папка. Пакет с выручкой пробило заусенцем, но сложенный втрое гербовый лист аренды с синей печатью комбината и подписью директора Савельева был абсолютно цел.

— Алена, забирай мешок, пересчитай на кухне и спрячь в сумку, — я отдала выручку подруге, а договор спрятала во внутренний карман жилета, ближе к сердцу.

В этот момент сквозняк из служебного коридора усилился. Я насторожилась, прошла в глубь помещения и похолодела: навесной замок на тяжелой металлической двери черного хода

был аккуратно перекушен гидравлическими клещами. Дверь стояла приоткрытой, на свежем снегу чернели рифленные следы сапог. Бандиты готовили тыловую засаду.

Я захлопнула дверь, загнала массивный стальной засов до упора и набросила якорную цепь на проушины, стянув ее винтовым карабином:

— Периметр закрыт. С тыла не войдут.

В зале мороз уже подбирался к трубкам пивной магистрали под стойкой — еще полчаса, и лед разорвал бы медные охладители. Богдан уже волок из подсобки двухсантиметровый лист фанеры.

— Держи с того края!

Я навалилась на тяжелый щит всем телом, закрывая собой пролом от ледяного ветра с пруда, пока Богдан обухом топора загонял стомиллиметровые гвозди прямо в массив рамы. Пять сокрушительных ударов — и фанера встала намертво, отсекая метель. Я включила промышленные тепловые пушки на максимум. Горячий воздух ударил в зал, возвращая тепло.

В начале первого ночи бар был запечатан. Я уложила успокоенную Алену на диван в комнате отдыха, укрыв пледом и прикрыв дверь. Полицейские уже записали наши объяснения и забрали копию видео; заводские охранники остались снаружи.

Вернувшись на кухню, я увидела Богдана. Он сидел на низком табурете, ссутулив широкие плечи и спрятав правую руку в карман. Услышав шаги, он поднялся:

— Контур держит. Я пойду, Снежана. Тебе нужно отдохнуть.

Я шагнула вперед, преграждая дорогу, и решительно положила ладонь ему прямо на середину широкой, твердой как броня груди:

— Сядь обратно, Ковалев. Ты спас мой бар. Но ты истекаешь кровью. И никуда ты не выйдешь, пока я не обработаю твою руку.

Богдан посмотрел на мою ладонь на своей груди, шумно вздохнул и опустил на табурет.

Глава 2

На кухне под жестяным абажуром разливался теплый янтарный свет. Пахло сушеной мятой, кипятком и остывающим металлом.

Я достала большую аптечку. До открытия бара я четыре года работала спортивным врачом в молодежной хоккейной системе и травмы связок знала досконально. На лоток легли перекись водорода, марля, широкий льняной бинт и баночка с густым бальзамом деда Матвея на пихтовой живице, камфоре и медвежьим жире.

Я придвинула табурет вплотную к Богдану:

— Руку.

Он помедлил, затем медленно вынул правую кисть из кармана и положил на бумажную салфетку.

Костяшки указательного и среднего пальцев были содраны о край сейфа. В ранах темнела ржавчина и металлическая стружка, а тыльная сторона ладони угрожающе наливалась синевой.

— Это царапины, Романова, — угрюмо буркнул он. — На прокатном стане и не такое бывало. Помоем водой, само затянется.

— Замолчи, Ковалев, — я взяла его огромную, тяжелую кисть обеими руками. Мои пальцы едва смыкались вокруг его ладони. — Ты профессиональный атлет. Грязную рану нельзя бросать. Не хватало тебе еще инфекции перед турниром. Терпи.

Я щедро плеснула перекись на содранные костяшки.

Жидкость закипела яростной белой пеной, выталкивая грязь и запекшуюся кровь. Желваки на челюсти Богдана окаменели, жилы на шее вздулись, но он не издал ни звука. Я осторожно склонилась над его рукой и стала мягко дуть на раны, стараясь отвлечь его от боли, слой за слоем снимая пену стерильной марлей.

Зачерпнув пальцами темно-янтарный пихтовый бальзам, я принялась втирать его в неповрежденную кожу предплечья, не касаясь ран. И в этот момент, скользнув пальцами вверх к запястью, я ощутила анатомию этого человека.

Даже его запястье казалось вдвое шире моего. Настоящая порода уральских кузнецов. Сухожилия пальцев залегали под кожей монолитными стальными тросами. Но острее всего поразил первобытный, сухой жар, исходивший от его мышц, словно от остывающей печи.

Мои пальцы задержались на внутренней стороне запястья, на ровном, редком пульсе — сорок пять ударов в минуту.

Я подняла глаза. Богдан смотрел прямо на меня с расстояния сорока сантиметров. Темные зрачки с золотыми крапинками, шрамик над бровью, обветренные губы. Воздух между нами загустел.

— У тебя запястье как у кузнеца, — тихо сказала я.

— Порода, — отозвался он. — Дед Матвей до семидесяти рельсы руками кантовал.

Пальцы двинулись к локтевому сгибу, нащупав плотный послеоперационный рубец длиной в десять сантиметров.

— Разрыв медиальной связки?

Богдан чуть заметно напрягся:

— Три года назад, в финале. Стол тоже был с подвохом: подлокотник смещен. Локоть слетел, связку оторвало с костью.

— Рубец жесткий, — я осторожно провела пальцами рядом с ним. — Ты бережешь этот угол, я вижу. После операции ты проходил восстановление?

— Проходил. Врач разрешил вернуться к столу. Только голове не прикажешь.

— Значит, не будем ломать через боль. И эти раны завтра покажем в травмпункте.

Богдан замолчал, глядя на мои руки:

— Ты первая женщина, которая прикасается к моим шрамам без брезгливости, Снежана. Все остальные видели во мне только вышибалу или быка для тотализатора.

— Они дураки, Ковалев. А я вижу чемпиона, которому сломали судьбу, но не сломали хребет.

Я взяла льняной бинт. Спортивная фиксация: тугая восьмерка через большой палец, крестообразный замок на запястье, мягкая поддержка запястья, без пережима.

Завязав узел, я замерла, не отнимая ладоней от его перевязанной руки.

Богдан шевельнулся. Медленно и бережно он поднял здоровую левую руку, накрыл мои пальцы своей широкой ладонью и прижал мою кисть к своей груди. Под моей ладонью сквозь ткань гулко и мощно билось его сердце.

— Ты бесстрашная, Снежана, — глухо произнес он. — Встать перед Хрящом... закрыть девчонку... Я таких женщин не встречал. Но знай: Зубов не простит разбитой витрины. Он пойдет до конца. Сожжет бар, искалечит любого, кто встанет со мной.

Я посмотрела ему прямо в глаза:

— Значит, мы уничтожим его первыми, Богдан. По закону, по правилам и на глазах у всего города.

Его пальцы чуть крепче сжали мою кисть. В этом жесте была древняя клятва верности.

— Мне нужен воздух, — тихо сказала я. — Пойдем к плотине. Там простор. Нам нужно решить, как жить дальше.

Богдан поднялся и бережно набросил мне куртку на плечи:

— Пойдем. На ветру думается чище.

* * *

Ночь звенела от мороза. Около двух часов мы вышли на гранитную набережную к плотине комбината.

Огромный пруд, скованный полуметровым панцирем льда, уходил к черным силуэтам хребтов. Перед нами вздымалась циклопическая стена старой плотины из гранитных глыб. У водосброса чернела полынья, над которой клубился густой белый пар, и с непрерывным рокотом падала вниз тяжелая вода. На том берегу багрово тлели трубы доменных цехов.

Морозный ветер обжег лицо. Я оперлась на чугунные перила, жадно вдыхая колючий воздух. Богдан встал рядом, опираясь здоровым локтем на гранит. Забинтованную руку он держал у груди.

— Расскажи мне про Волкова, — нарушила я молчание. — Хрящ орал о нем, как о приговоре.

Черты Богдана заострились:

— Артем Волков. «Дробитель». Сто сорок килограммов сухого мяса на ферме. Кисть — шестьдесят два миллиметра. Зубов выкупил его из колонии и держит как цепного пса. Волков не борется по правилам — он ломает лучевые кости и отрывает связки ради забавы. На закрытых боях в области он искалечил пятерых. Если они подкараулят меня в переулке — Волков переломает мне руки, пока меня будут держать сзади с ломами.

Он повернулся ко мне:

— Продавай бар, Снежана. В понедельник. Забирай Алену и уезжай в Екатеринбург. Этот город перемалывает людей в шлак. Зубов не остановится.

Я резко развернулась к нему:

— Ты за кого меня принимаешь, Ковалев?! За комнатную фифу?! Мой дед строил этот прокатный стан! Отец тридцать лет отдал мартеновскому цеху! Я выросла под заводские гудки, вложила в «Овертайм» каждую копейку и собственными руками выкладывала плитку! И ты предлагаешь мне сбежать, потому что уголовник решил, будто город принадлежит ему?!

Богдан ошеломленно замер.

— Никуда я не побегу, — отчеканила я. — И ты не будешь прятаться по подвалам. Зубов силен, пока все играют по его понятиям — в темноте и по подворотням. Мы вытащим эту войну на свет!

— Как? — спросил Богдан. В его глазах вспыхнул острый интерес.

Я достала блокнот и ручку:

— Мы не дадим им устроить резню в подворотне. Мы организуем открытый, грандиозный турнир по армрестлингу прямо в Сталегорске. «Стальной Захват»!

— В цоколе Поддубного? Туда влезет человек сто...

— К черту цоколь! — перебила я с торжествующей улыбкой. — На главной арене Дворца спорта «Металлург»! На пять с половиной тысяч зрителей!

Ковалев онемел:

— На арене?.. Да кто нам ее отдаст? Дворец на балансе комбината!

— Мы заставим комбинат отдать его, — уверенно продолжала я. — Идем прямо к генеральному директору Савельеву. Он металлург старой закалки, сам занимался у твоего деда Матвея и ненавидит бандитов. Мы предложим турнир рабочей чести! Официальная санкция Федерации армрестлинга России. Судьи международной категории. Жесткий допинг-контроль WAF. Прямая трансляция на область! Билеты для рабочих — через профсоюз!

Я шагнула к нему, глядя прямо в глаза:

— Ты выйдешь против Волкова в центре арены под софитами перед глазами пяти тысяч металлургов! Зубов будет сидеть в ложе и бессильно скрежетать зубами: при камерах и тысячах свидетелей никто не посмеет достать ствол или нарушить правила! Ты сломаешь Волкова на помосте, Федерация вернет тебе лицензию, а зал Поддубного получит статус школы олимпийского резерва!

Богдан молчал. Его грудь тяжело вздымалась, а на губах появилась хищная, волчья усмешка:

— Пять тысяч металлургов... Весь город на трибунах... Битва на глазах у всех.

— Именно. Но если ты проиграешь — Зубов заберет зал под автосервис, а бар раздавит долгами. Ты готов поставить на кон все?

Богдан медленно стянул варежку со здоровой руки. Его открытая ладонь зависла над парпетом:

— Я три года ждал этого шанса. Ждал честного стола. Я порву Волкова. Вколочу его пальцы в подлокотник так, что он стакан поднять не сможет.

— А возвращением допуска займусь я, — добавила я. — Без решения Федерации никакая арена тебя не спасет.

Я сняла кожаную перчатку, протягивая голую руку в мороз.

Богдан бережно, но с монолитной стальной силой обхватил мои пальцы. Его забинтованная кисть коснулась моего запястья. Это была древняя клятва соратников, вставших плечом к плечу перед бурей. Тепло его руки мгновенно прогнало холод, проникая в самое сердце.

— По рукам, Снежана Романова, — веско произнес он. — С этой ночи мы бьемся вместе. Завтра в восемь утра я приеду к бару на пикапе. Привезу сухой дубовый брус из запасов деда — поставим новую стойку. А потом поедem в цоколь. Познакомлю с дедом Матвеем и покажу зал Поддубного. Ты должна увидеть, за что мы сражаемся.

— Договорились, Молот, — я сжала его пальцы в ответ.

Мы пошли обратно по заснеженной набережной. Над Уральскими горами стлалась холодная сизая дымка, в воздухе плыл низкий гул просыпающегося комбината.

Я шла рядом с Богданом, слушая хруст снега, и впервые за долгие месяцы чувствовала не страх, а пьянящую уверенность. Впереди была война, но рядом шагал человек из стали, а в моем сердце разгорался огонь, который не смогла бы затушить ни одна уральская метель.

Глава 3

Субботнее утро встретило Сталегорск тихим, плотным снегопадом. Крупные влажные хлопья ложились на заснеженный тротуар перед «Овертаймом», припорошивая мелкие стеклянные осколки, которые мы с Аленой сметали с семи утра. Мороз отпустил до минус десяти, но от широкого заводского пруда все еще тянуло студеной влагой, пахнувшей глубинным льдом, талой водой и тяжелым дыханием близких металлургических цехов.

Ровно в восемь утра на набережную тяжело вывернул старый синий пикап Богдана. Двигатель басовито урчал, перемалывая снежную кашу, а в открытом кузове, надежно укрытый просмоленным брезентом, лежал пятиметровый брус мореного уральского дуба сечением сто пятьдесят на сто пятьдесят.

Хлопнула дверца. Богдан прыгнул на снег — в расстегнутом бушлате, в кожаных рукавицах, с забинтованным запястьем, спрятанным под манжетой фуфайки.

— В травмпункт заехал, как обещал, — сказал Богдан, заметив мой взгляд на повязке. — Раны обработали. Велели беречь и показываться на перевязку.

— Доброе утро, хозяйка, — его низкий, ровный голос прогрел морозный воздух лучше любой печки. — Заждались?

Я вышла на крыльцо с дымящейся кружкой горячего кофе, зябко поводя плечами под шерстяным жилетом:

— Я уже прикидывала, сколько сотен тысяч уйдет на заказной пластик из Екатеринбурга. Ждать две недели доставки, а мы без барной стойки как без рук.

Богдан тепло усмехнулся, ловко стягивая брезент с кузова:

— Забудь про пластик, Романова. В Сталегорске строят из того, что стоит веками. Дед Матвей этот дуб десять лет на чердаке сушил. Сегодня сделаем стойку, которую не пробьет даже танковый снаряд.

К девяти подошли металлурги из вчерашних гостей — Серега с прокатного и вальцовщик Витя. Мужики взялись за брус с двух концов, натужно крикнули, но тяжелый дубовый брус лишь накренился, опасно угрожая соскользнуть на обледенелый кафель порога.

— Отойдите, мужики! Не рвите жилы! — скомандовал Богдан.

Скинув бушлат прямо на перила, он подсел под центр тяжести, подвел монолитное плечо под дубовый массив и с коротким выдохом поднял бревно на широчайшие трапеции. Мышцы его спины вздулись буграми, словно упрятанные под кожу гранитные валуны. Без единого перекоса, размеренным шагом он занес монолит в зал и уложил на стальные опоры. Я замерла с метлой, пораженная его несокрушимой силой.

Когда парни закрепили массив мощными анкерами, Богдан достал из инструментального ящика широкий старинный фуганок с наборной деревянной колодкой.

Его движения внезапно потеряли всякую тяжеловесность, сделавшись удивительно плавными, текучими и точными. Из-под остро заточенного лезвия с мягким шелестом винтом вылетала тончайшая, прозрачная золотистая стружка, пахнущая медом, дубильной корой и вековым лесом. Широкая ладонь бойца вела инструмент с чуткостью скрипичного мастера, выглаживая волокна до зеркального шелка.

Я подошла ближе, не удержавшись, и провела пальцами по теплomu дереву:

— Богдан... У тебя золотые руки. Это настоящее искусство.

Он смущенно потер шею запястьем, пряча улыбку в усах:

— Дед Матвей с семи лет топор в руки дал. Дерево — оно как живое, ласку чувствует. Если с душой подойти, оно сто лет простоит и тепло держать будет.

К полудню мужики выбились из сил. Четыре часа шлифовки и подгонки пазов выжали парней досуха. Серега опустил на перевернутый ящик, шумно переводя дух:

— Ковалев, если ты нас сейчас не накормишь — до вечера сил на воск не останется. В животе мартеновская пустота.

— Отставить уныние! — я скинула жилет и решительно завязала за спиной холщовый фартук. — Кухня в полном порядке. Через сорок минут будет обед, какого вы на комбинате сроду не пробовали. Алена, разжигай конфорки!

Рабочим мужикам после мороза и бруса нужна была настоящая сытная еда. Я достала из кладовой тяжелый чугунный казан. На раскаленное дно легли толстые ломти копченой свиной грудинки — жир с яростным шкворчанием начал вытапливаться, наполняя кухню умопомрачительным ароматом копченостей. Следом пошли две нарезанные луковицы, обжаренные до золотистого хруста, щедрая горсть давленого чеснока и кубики отборного картофеля.

Промытое крутым кипятком пшено золотым водопадом ушло в казан, залитое крепким костным бульоном. Полчаса на медленном огне под тяжелой крышкой — и сибирский охотничий кулеш превратился в янтарную похлебку. В финале я взбила прямо в кипящее варево четыре яйца, бросила горсть свежего рубленого укропа и лавровый лист.

Когда я внесла дымящийся казан в зал и опустила его на свежевystруганную дубовую стойку, работа замерла.

— Налетай, богатыри, — улыбнулась я, разливая кулеш по глубоким глиняным мискам. Богдану я поставила щедрую двойную порцию с добрым шматом грудинки.

Он отправил ложку в рот и закрыл глаза. На его лице отразилось такое чистое счастье, что сердце мое сладко екнуло:

— Господи... Такой кулеш мне только мать варила, когда мы с пруда с дедом насквозь промерзшие возвращались. Снежана... Ты волшебница.

— Это отцовский рецепт, — тихо отозвалась я. — В этом баре голодным не останется никто.

К часу дня стойка сияла под пчелиным воском. Сытые и благодарные рабочие ушли, пообещав вернуться в понедельник на подмогу. Богдан подошел ко мне, бережно беря под локоть:

— Воск сохнет до вечера. Собирайся, Снежана. Дед Матвей ждет в цоколе. Пора показать тебе наш зал.

* * *

Цокольный этаж заводского Дворца культуры им. Ленина встретил нас крутыми бетонными ступенями, уходившими глубоко под фундамент здания. Здесь стоял особый дух: смесь магнезии, старого чугуна, машинного масла и камфары. Снизу доносился размеренный, гулкий грохот опускающихся на резину тяжелых штанг.

Мы толкнули обитую рваным дерматином дверь и вошли. Никакого неоновогo глянца фитнес-клубов здесь не было. Вдоль кирпичных сводчатых стен стояли массивные силовые рамы, сваренные прямо на комбинате из толстостенных железнодорожных рельсов. На кирпиче висели плакаты с Юрием Власовым и портрет Ивана Поддубного в трико.

На дубовом помосте тренировались полтора десятка подростков от двенадцати до шестнадцати лет. Худые мальчишки в старых трико и стоптанных кедах фанатично гнули железо. При виде меня они смущенно замерли, пряча обувь за стойки.

— Здорово, орлы! — басом бросил Богдан. — Работайте, не отвлекайтесь. С нами Снежана Игоревна — хозяйка «Овертайма» и наш верный соратник.

— Здравствуйте, мальчики, — я тепло улыбнулась, шагнув ближе. — Отличные спины, правильный угол в тяге. Продолжайте.

Пацаны шумно выдохнули и с удвоенным рвением взялись за грифы.

Из глубины зала, от массивного тренерского стола, тяжело поднялся высокий старик с седой бородой и руками-клещами — дед Матвей Степанович Ковалев. Семьдесят два года, полвека отдавший прокатному стану. Он смерил меня оценивающим взглядом:

— Ишь ты... Соратница. Сапожки городские, волосики уложены. Знаем мы таких благодетельниц: приедут, языком поцокают, а потом наши тренажеры на металлолом спишут, а подвал под баню с девками Зубову отдадут. Зачем пришла к моим пацанам, красавица?

Я сделала шаг навстречу деду Матвею, не опуская взгляда:

— Мой отец тридцать лет варил сталь на комбинате, Матвей Степанович. Он учил меня, что на помосте судят не по сапогам, а по чистоте захвата. Я пришла не продавать, а защищать. Сегодня ваши пацаны получают нормальные борцовки и белковое питание. А в следующую субботу Богдан выйдет на главную арену «Металлурга» и сотрет Волкова в порошок на глазах пяти тысяч заводчан. И если вы считаете, что я вру — можете прямо сейчас указать мне на дверь.

В подвале повисла звенящая тишина. Старик смотрел на меня не моргая добрых полминуты. Затем указал узловатым пальцем на чугунную гирию в углу помоста:

— А знаешь, что это за снаряд, девочка?

Я подошла к гире, опустила на колено и провела пальцами по полустертому заводскому клею:

— Эталонная двухпудовая гирия завода сорок восьмого года. Ровно тридцать два килограмма и сто граммов. Говорят, Иван Поддубный оставил ее металлургам на выступлениях. На ней ставил стартовую натяжку чемпион СССР Алексей Ковалев — отец Богдана.

Дед Матвей крикнул, всплеснув руками, и повернулся к внуку:

— Богдан, черт тебя дерит... Где ты такую девку откопал? Она ж насквозь наша, заводская! До костей пропеченная!

Напряжение лопнуло. Старик пододвинул мне деревянный табурет, налив кружку крепкого кипятка с чабрецом:

— Зубов нас душит, дочка. Отопление в цоколе перекрыл, воду горячую отрезал. Мэрия отмахивается. А куда пацанам идти? На улицу, к зубовским барыгам?

— В мэрию мы не пойдем, Матвей Степанович, — твердо сказала я. — Мы пойдем прямо к генеральному директору Савельеву. Комбинат своих не бросает.

В этот момент на дальнем помосте раздался глухой металлический стук. Я обернулась и увидела худощавого, скуластого паренька лет шестнадцати в растянутой майке. Он фанатично вырывал штангу с пола, и с его ладоней прямо на белую магнезию помоста капала алая кровь.

— Стой! — крикнула я, срываясь с места. — Брось гриф! Немедленно!

* * *

Я подбежала к помосту, перехватывая руки подростка. Тяжелый гриф со звоном упал на резиновый настил.

Парень был весь мокрый от пота, ребра обтянуты бледной кожей, а ладони... На обеих ладонях сорванные мозоли висели кровавыми лохмотьями. Из трещин сочилась кровь, перемешанная с едкой пылью магнезии.

— Пустите! — огрызнулся он, диковато зыркнув исподлобья и пытаясь спрятать кулаки за спину. — Я в порядке! Мужики не скулят! Мне вес брать надо, скоро первенство области!

— Пашка, остынь, — Богдан подошел неслышно, опустив тяжелую ладонь на плечо мальчишки. — Сила — это не когда кровью чугун заливаешь, а когда связки умеешь беречь. Слушай Снежану Игоревну.

Я усадила упирающегося подростка на деревянную скамью у раздевалки и раскрыла свою аптечку.

— Не надо меня жалеть, — глухо буркнул Пашка, отворачиваясь к кирпичной стене. В его голосе сквозила колючая, застарелая боль сироты. — У меня родителей нет, сопли утирать некому. Я сам по себе.

— Никто тебя не жалеет, Паша, — мягко, но уверенно ответила я, смачивая марлю хлоргексидином. Я взяла его худые, жесткие запястья в свои руки. — Тобой гордятся. Но с такими руками ты через два дня не сможешь даже ложку удержать. Расправь пальцы.

Я осторожно промыла рваные раны, вычищая въевшуюся грязь и мелкую металлическую стружку. Пашка сжал зубы так, что на скулах заходили желваки, но не дернулся. Я нанесла толстый слой заживляющей мази с метилурацилом и принялась аккуратно накладывать стерильный бинт. Парень жил в заводском общежитии ПТУ на стипендию, питаясь пустыми макаронами и дешевыми консервами.

— С сегодняшнего дня, Паша, — сказала я, поднимая на него глаза, — ты каждый день обедаешь и ужинаешь в «Овертайме». Лично прослежу за твоим меню. Мясо, творог, горячие супы. Возражения не принимаются.

Пашка растерянно моргнул, не зная, что ответить. Но когда я опустила взгляд на его ноги, у меня перехватило горло.

На ногах парня были надеты ветхие, сто раз зашитые кеды, из которых выпирали согнутые пальцы — обувь была мала размера на два. А тонкая резиновая подошва на правом кроссовке была намертво примотана к пятке синей строительной изолентой, чтобы не отвалилась при становой тяге.

Слезы обожгли глаза. Я сглотнула комок, решительно выпрямилась и достала телефон:

— Паша, какой у тебя точный размер обуви?

— Сорок... сорок первый, — пролепетал он, смущенно поджимая ноги под лавку. — Да ладно вам, они еще сезон поедят...

Дед Матвей нахмурился из угла:

— Не сори деньгами, дочка. Мы не нищие.

— Это не благотворительность, Матвей Степанович, — отрезала я, глядя в глаза старику. — Это первый контракт спортивного клуба «Овертайм». Пашка представляет нашу команду на первенстве области. И на помост он выйдет как будущий чемпион.

Я набрала номер директора спортивного магазина на площади:

— Вадим, привет. Это Снежана. Срочно с курьером в ДК Ленина, в зал Поддубного: борцовки Asics, 41-й размер, золотая серия. И две банки изолята сывороточного белка. Оплата переводом прямо сейчас.

Через тридцать минут курьер занес в подвал фирменную синюю коробку.

Я поставила ее перед застывшим Пашкой:

— Открывай.

Дрожащими, перебинтованными пальцами мальчишка снял крышку. В коробке лежали белоснежные кожаные борцовки с золотыми полосами. Он смотрел на них так, словно перед ним открылись небеса:

— Это... мне? Настоящие?..

— Надевай, Малой, — Богдан улыбнулся, потрепав его по вихрастой макушке. — Сначала ладони заживут, Малой. Потом начнем скоростную натяжку.

Пашка шмыгнул носом. Крупная слеза покатилась по его худой щеке, упав на новенький белый шнурок. Я не выдержала, шагнула к нему и крепко, по-матерински прижала его вздрагивающую голову к своему плечу. Парень замер, неловко уткнувшись носом в мой свитер, и судорожно выдохнул. Потом сам обнял меня за плечи и долго не отпускал.

Пацаны потянулись в душ. В опустевшем, затихшем зале остались только мы с Богданом у соревновательного стола.

— Ты подарила ему крылья, Снежана, — тихо сказал Богдан, глядя на меня с такой бездонной нежностью, от которой закружилась голова. — А теперь иди сюда. Я покажу тебе, как выигрывают войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.